

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 808.5

КУЛЬТУРА РЕЧИ РУССКОГО ЯЗЫКА И СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

© Владимир Георгиевич РУДЕЛЁВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и журналистики,
заслуженный работник высшей школы РФ,
e-mail: ifg06@mail.ru

Рассмотрена частеречная система и культура речи носителя русского языка. На примере «артикля» «ааа...», который активно используется как в начале высказывания, так и в его составе, репертуара паразитических элементов речи типа скрытого мата: «блин» «ё-моё», «ё-келе-мене» и др. доказана особенность культуры речи – радикальные изменения самой системы речевой культуры. Определен вектор современной языковой ситуации, который смещается с традиционно нейтрального и книжного к засорению русской речи. Установлено, что сложность современной языковой ситуации заключается в действии многих факторов, среди которых оказываются такие, как теория частей речи. Части речи фактически контролируют всю языковую систему, сообщая ей стройность и объективную последовательность. Они являются мерилем порядка в любом участке языка – в т. ч. и в культуре языкового общения. И в этом общении нужна не столько зубрежка того, что ведущая часть речи *существительное* несет на себе понятие <предметности>, сколько системные рассуждения и представления о частеречных оппозициях и выявление главных частей речи и тех частеречных «магнитов», которые в упомянутой системе доминируют и подчиняют себе все самое главное, нестандартное и ценное в информационном плане.

Ключевые слова: культура речи; русский язык; части речи.

Смею сказать, что современная культура русского языка находится в запущенном состоянии, в котором она никогда не пребывала. Не помню, например, чтобы когда-либо в прошлом русские люди начинали строить свою речь (текст) с раскатистого -а, образного и довольно продолжительного «артикля» «ааа...»:

«Аааа... для того, чтобы образовалась чья-то поэтическая школа... аааа, нужно аааа, чтобы у ее основателя аааа или аааа начинателя был аааа талант». (Здесь автор настоящей статьи пытается произнести **свой** собственный текст [1, с. 7] по модели нынешних модных ораторов радио, телевидения и т. п., дабы не обидеть кого-либо из реальных лиц).

Одним начальным «Аааа» обычно дело не обходится. Часто представленный «артикль» повторяется через два–три слова, иногда даже сопровождая каждое слово, включая

предлог и даже разбивая слово, и тогда **аааа** проникает в слово: «поэтическая шко**аааа**ала».

Включите телевизор или **аааа** радио и вы **аааа** непременно услышите образцы представленной мною здесь речи. А я, как вы заметили, **аааа**, уже не могу избавиться от этих модных, назойливых «артиклей».

Впрочем, вот как-то избавился. А то, было, совсем уж привык.

Приведенные здесь «аааа» увеличивают репертуар паразитических элементов речи – типа скрытого мата: «блин» «ё-моё», «ё-келе-мене» и др. Может быть, именно поэтому такие «украшения» речи особенно неприятны в устах женщин. Но уже и дети научились успешно употреблять **аааа**-образные «артикли». А они затмили собой все иное бескультурье русской речи, о котором писалось и говорилось уже много. Поэтому мы на «аааа-артикле» и остановимся, уяснив причины его появления и развития.

Как ни обидно и ни странно, упомянутое засорение русской речи связано с положительным явлением – с разрешением в недалеком прошлом говорить *не по бумажке*, с началом подлинного говорения, с элементами импровизации и неожиданно пришедшими на ум поправками. На все это требовалось время, а его, это время, нужно было заполнять звуками, чтобы не было зияний, которые воспринимались бы как речевая слабость. Первые говоруны *не по бумажкам* были выдающиеся русские люди, способные говорить часами, – такие, например, как кукольник Образцов. И у этого дивного говоруна была манера продлевать фразу за счет элегантно звучащего, напоминавшего нынешний «аартиклъ». Последний в таковой был превращен в устах ораторов-неумек, а потом и у всех жителей заговорившей России. Теперь уж очень мало людей, говорящих *не по бумажке* без «ааа-артиклей». Зато как приятно слышать и слушать русских, сохранивших в памяти старую благородную русскую речь...

*

Описанное речевое уродство прямо и непосредственно с русской грамматикой и теорией частей речи русского языка как будто не связано, разве только оно претендует на образование и признание новой части речи, еще не описанной в академических грамматиках. Будем надеяться, что до этого дело и не дойдет, и школьникам не прибавится забот и зубрежки.

Мы коснемся, однако, еще одного речевого брака, который, кажется, теперь уж ни в одной стране, кроме России, не имеет места. Речь идет о вежливых обращениях, существовавших в России до революции: «*господин*», «*госпожа*», «*господа*»; «*милостивый государь*» / «*государыня*» / «*государь*»; «*сударь*» / «*сударыня*». Эти обращения были обязательны, и только в низкой (маркированной) речи они позволялись с возгласом «эй!»: «*человек!*», «*братец!*» и *под*. Революция весь этот перечень обращений поставила под запрет, и сейчас еще слово «*господин*» употребляют в большинстве случаев с презрением. Вот как, например, говорят мне в лицо мои противники по «Союзу писателей»,

по поэтической тематике, по взглядам на жизнь и всему прочему:

«*Господину Руделеву, думается, стоило быть более терпимым к литературной критике*» [2].

Между тем, принятое после Революции слово «*Товарищ!*» (без варианта в форме женского рода; к женщине обращались так же, как и к мужчине: *товарищ!*) было классово окрашенным, и круг обращения этого слова постоянно сокращался. Ср. бытующее до сих пор: «*Тамбовский волк – тебе товарищ*».

Теперь *товарищами* называют друг друга только лица, служащие в армии или в милиции. Видимо, наступило время введения перечисленных выше обращений (типа «*господин*») в обиход – без всяких исключений. Обращения типа «*женщина!*», «*мужчина!*», «*девушка!*» (к даме любого возраста!), а также «*дедулька!*», «*бабулька!*» следует подвергнуть осуждению и строгому запрету. Следует считать некорректными установления контактов без специальных слов (см. выше) – с помощью фраз, их словно компенсирующих, типа: «*скажите, пожалуйста*» и *под*. Обращения типа «*господин*» / «*госпожа*» было бы неплохо употреблять не только в обычной среде, но и в специальной: в школах, вузах, в судах, на следствии, в заключении и везде – вплоть до казни! Думается, такого вежливого, ласкового, человеческого обращения россияне, граждане России, давно заслужили.

*

Третья часть представленной здесь нашей статьи о культуре русской речи касается системного освещения грамматического материала насчет *частей речи* русского языка. Не должно быть никакого насилия и произвола над категориями, называемыми «*частями речи*», которые фактически контролируют всю языковую систему, сообщая ей стройность и объективную последовательность, а они являются мерилем порядка в любом участке языка – в т. ч. и в культуре языкового общения. И в этом общении нужна не столько зубрежка того, что ведущая часть речи **существительное** несет на себе понятие <**предметности**>, сколько системные рассуждения и представления о частеречных оппозициях и выявление главных

частей речи и тех частеречных «магнитов», которые в упомянутой системе доминируют и подчиняют себе все самое главное, нестандартное и ценное в информационном плане.

Но, оказывается, от бездумной зубрежки бессмысленных догм, в которых сосредоточены, казалось бы, очевидные истины, а на самом деле коварные лживые миражи, избавиться пока не удастся. И – не позволяется! Речь идет о настойчивом отнесении части речи **существительное** к числу <предметных> категорий. Особенно, конечно, обидно послушным русским людям считать себя подобием *кирпичей* или *тряпок*, – вообще *каких-нибудь действительных предметов*, но, оказывается, и **Человек** – даже, *судя по очень авторитетным грамматикам*, все-таки <**предмет**> (ср. [3]), хотя и в каком-то запутанном, ирреальном, якобы «грамматическом» плане.

Конечно, если задуматься, такое **существительное**, как **Человек**, кощунственно считать <предметом>. И разве не кощунственно, не преступно называть русских людей «**физическими лицами**». Нигде в нормальном обществе **частное лицо** в **физическое** не переименовывали. А вот теперь – пожалуйста, стали именовать. И никаких протестов на этот счет от авторитетных организаций (например, Института русского языка им. академика В.В. Виноградова) не последовало. Все – как в романсе о Блохе:

Зовет король портного:
«Послушай-ка, **чурбан!**
Для друга дорогого
Сшей бархатный кафтан».

Вот образец частеречной «ничтожности», мерзейшим образом отраженной в придуманной (приснившейся кому-то) человеческой <**предметной несостоятельности**>.

Разберемся, однако, в частеречной чехарде, где **субстантиву** предоставлено царствовать и что-то дарить. И как же не дарить, если частеречная совокупность удостоена называться очень высоко – системой. Системность в языке (первоначально, однако, – только в фонологии) была открыта князем Н.С. Трубецким [4] и представлена им в виде динамических (т. е. нейтрализуемых) оппозиций. Это, конечно, было великое открытие, позволявшее покончить с произволом в языкознании и перейти на объективные доказа-

тельства реальных языковых фактов, покончив с авантюристическими «**договорами**» и «**учебно-исследовательскими вопросами**», в которых не было никаких исследований, кроме тщетных попыток свести концы с концами там, где эти концы с концами не сводились [5].

Между тем, частеречная система – не азартная игра, не соревнование в остроумии. Это честное, объективное исследование, имеющее практическое значение, соотносимое с той же **культурой речи**. Поэтому ему и уделено центральное место в нашей культурологической по сути дела статье.

*

Части речи русского языка, как и любого иного языка, представляют собой **оппозиции** типа [**a←b**] – с маркированным элементом /**b**/ и немаркированным /**a**/. В предикативной синтагме ее элементы, как правило, различаются частеречно или как-то иначе: «Этот человек **идет** и **курит**», «Этот человек – **поэт**». Но наиболее типичной предикативной синтагмой является: «**существительное ← глагол**». В **скоростной** и **сверхскоростной** речи (А.А. Фет, А.А. Блок) глаголы и иные части речи смешиваются в одной и той же (единственной) субстантивной форме, выступающей в роли предиката [6].

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.

А.А. Фет

Забегая вперед, скажем, что в тексте А.А. Фета, кроме слова «*соловей*», ни одного существительного нет! Что же касается глаголов, то они – вот: *шепот* (*шептать*), *колыханье* (*колыхаться*) и даже – *трели* (синоним слова *петь / пение*).

А.А. Блок не более «щедр» относительно подлинных субстантивов. Мы выделили в его тексте в качестве единственного только одно субстантивное слово. И то, уже в роли предиката:

Ночь, улица, **фонарь**, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет...

Субстантивность слова «фонарь» безусловно доказывается потенциальной формой «*на фонаре*», предполагается вопрос «*на чем?*», а не «*где?*» и не как-либо еще иначе.

Вот такова русская грамматика! Извольте ее принимать. Иначе плохо будет. Потеряет русский язык свой аромат, силу и выразительные способности. И на эсперанто не потянет!

Итак, в скоростном тексте А.А. Блока нет ни одного глагола. На существительное тянет только одно слово – «фонарь» (см. далее). У А.А. Фета – глагольное изобилие! Впрочем, здесь не так все просто... Глаголы «шепот», «трели», «дыханье», «колыханье» – настоящие глаголы с подлинно глагольной <процессуальной> семантикой [7]. Никакого здесь <опредмеченного действия> нет: «опредмеченное действие» – все равно, что «омужчиненная женщина», если она в брюках...

Если, смешиваясь по форме с субстантивом, глагол по содержанию ничего не теряет и даже противопоставляется субстантиву (ср.: «шепот» и «фонарь»), значит его семантика релевантна, важна, актуальна. А если он ничего от существительного не приобретает, значит существительное ничего релевантного в плане частей речи не имеет, как вывод – это **частеречный нуль** [6].

Отношение между **субстантивом** и **адъективом** более сложное. Все дело в направленности системы отношений между **глаголом**, **субстантивом** и **адъективом**, которая имеет некоторую вариативность. Основной вид русской системы частей речи можно представить в модели:

субстантив ← глагол → адъектив ← нумератив,
 a^1 a^2 a^3

где главный признак a^1 отличает от существительного глагол и вместе с ним весь основной кортеж частей речи. В слабых частеречных позициях вся эта частеречная совокупность уподобляется в скоростной речи субстантиву по форме. Первым претерпевает такое уподобление – глагол (*шептать* ~ *шепот*), его место в сократившейся системе, словно на мгновение, занимает адъектив (*синий* ~ *синева*), за ним – нумератив (*два* ~ *двойка*).

Но существует и второе включение системы, когда центром «притяжения» оказыва-

ется адъектив и глагол выставляет свою адъективную форму – **причастие**, вслед за ним – обретает адъективную форму существительное (*серебро* <argentum> ~ *серебряный*), которое, словно забывая о своей вторичности, в позиции смещения всех частей речи с субстантивом, обретает субстантивную форму. Ср. у А.А. Фета: «**Серебро** и *колыханье* сонного ручья».

Вряд ли подобная экспликация кому-нибудь из современных русских грамматиков придет на ум или просто понравится! А ведь без нее трудно понять и А.А. Фета, и всю русскую поэзию, и весь наш язык. И наладить подлинно культурное производство русской речи.

*

До сих пор мы воздерживались от привлечения к анализу такой загадочной части речи, как **наречие**. Ей не везет, этой части речи! Ради того, чтобы слова «поле», «море», «страна», «небо», тем более слова «мозг», «желудок», «ум» считать существительными, самая важная, но наиболее капризная и загадочная часть речи, именуемая наречием, обкрадывается самым бессовестным образом. Это притом, что к выражению «в поле», «в море», «в мозгу», «в уме» и подобные нельзя задать субстантивный вопрос «*В чем?*», но только – «*Где?*». А это тянет на **пространственное наречие**. Какое же это наречие, когда склоняется не хуже любого субстантива? А вот так! Склоняется – а все равно, – наречие, оппозиция по отношению к существительному, с нейтрализацией и приобретением мимикрической субстантивной формы [8]. Протестом против такой точки зрения является теория «учебно-исследовательских» вопросов, производящих ничем не оправданное *насилие* над русским языком [9]. Впрочем, если внимательно приглядеться, обнаруживается полисемия некоторых аналогичных слов; например, «дуб¹»: с вопросами и ответами: «*Где?*» – «*У лукоморья...*». «*Что там, у лукоморья?*» – **Дуб там зеленый**? Некая <точка> в <пространстве>! «**Лукоморье**» – <пространство>, это несомненное **наречие**, а «**дуб зеленый**», на котором золотая цепь, – это <некая точка в пространстве>. Это безусловное существительное. Тут никакие «научно-исследовательские» вопросы для дока-

зательств не нужны! И так видно, что это существительное.

А может быть слово «дуб» не существительным, а наречием – в тексте:

На дубу зеленом
Два сокола ясных вели разговоры.

Здесь к слову «дуб» вопрос «*На чём?*» не корректен. Здесь корректен только вопрос «*Где?*». Здесь слово «дуб» – наречие. И все тут! Семантическое словообразование в духе блестящего ученого, профессора В.М. Маркова (1927–2010), не отмеченного ни в одном из энциклопедических словарей по языкознанию [10].

*

Завершая нашу статью кратким разговором о русском **наречии**, мы считаем возможным утверждать, что эта часть речи находится в особой оппозиции ко всему сонму частей речи русского языка:

наречие

$b \downarrow$

субстантив ← глагол → адъектив → нумератив

a^1

a^2

a^3

1. Руделев В.Г. Поэтическая школа Евгения Харланова // Поэтические школы Тамбова. Тамбов, 2008.
2. Руделев В.Г. «Не плачь, дядя, Бог подаст!» (Ответ на критическую статью Г. Попова о книге стихов В. Руделева «Зима в Тамбове») // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Страницы провинциальной литературы: Избранные литературно-критические и публицистические статьи. Тамбов, 2000. С. 131-135.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Москва; Ленинград, 1947.
4. Трубецкой Н.С. Основы фонологии: пер. с нем. М., 1960.
5. Сидороенко Е.Н. Вопросительные местоимения в роли коммуникативных и учебно-исследовательских вопросов // Ученые записки Бельцкого государственного педагогического института. Т. 14. Бельцы, 1970. С. 127-132.
6. Руделев В.Г. К уточнению термина «динамическая система» применительно к частеречному механизму русского языка // Филологическая регионалистика. 2014. № 1 (11). С. 71-76.

7. Руделев В.Г. «Шепот, робкое дыханье, трели соловья...» (к уточнению частеречной семантики субстантивного слова) // Сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук профессора А.А. Кретьова. Воронеж, 2002.
8. Руделев В.Г. Идея частеречного нуля как путь создания непротиворечивой и реальной теории частей речи русского языка // Слово. Словарь. Словесность. Коммуникация. Текст. Синтаксис (К 90-летию со дня рождения С.Г. Ильенко). СПб., 2013.
9. Руделев В.Г. Мимикрия в системе частей речи русского языка // Концептуальное пространство языка: сборник научных трудов (посвящается юбилею профессора Н.Н. Болдырева). Тамбов, 2005. С. 132-140.
10. Марков В.М. О семантическом способе словообразования. Ижевск, 1981.

1. Rudelev V.G. Poeticheskaya shkola Evgeniya Kharlanova // Poeticheskie shkoly Tambova. Tambov, 2008.
2. Rudelev V.G. "Ne plach', dyadya, Bog podast!" (Otvét na kriticheskuyu stat'yu G. Popova o knige stikhov V. Rudeleva "Zima v Tambove") // Sbranie sochineniy: v 6 t. T. 3: Stranitsy provintsial'noy literatury: Izbrannye literaturno-kriticheskie i publitsisticheskie stat'i. Tambov, 2000. S. 131-135.
3. Vinogradov V.V. Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove). Moskva; Leningrad, 1947.
4. Trubetskoy N.S. Osnovy fonologii: per. s nem. M., 1960.
5. Sidorenko E.N. Voprositel'nye mestoimeniya v roli kommunikativnykh i uchebno-issledovatel'skikh voprosov // Uchenye zapiski Bel'tskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. T. 14. Bel'tsy, 1970. S. 127-132.
6. Rudelev V.G. K utochneniyu termina "dinamicheskaya sistema" primenitel'no k chasterech-omu mekhanizmu russkogo yazyka // Filologicheskaya regionalistika. 2014. № 1 (11). S. 71-76.
7. Rudelev V.G. "Shepot, robkoe dykhan'e, trelí solov'ya..." (k utochneniyu chasterechnoy semantiki substantivnogo slova) // Sbornik nauchnykh statey k yubileyu doktora filologicheskikh nauk professora A.A. Kretova. Voronezh, 2002.
8. Rudelev V.G. Ideya chasterechnogo nulya kak put' sozdaniya neprotivorechivoy i real'noy teorii chastey rechi russkogo yazyka // Slovo. Slovar'. Slovesnost'. Kommunikatsiya. Tekst. Sintaksis (K 90-letiyu so dnya rozhdeniya S.G. Il'enko). SPb., 2013.

9. *Rudelev V.G.* Mimikriya v sisteme chastey rechi russkogo yazyka // Kontseptual'noe prostranstvo yazyka: sbornik nauchnykh trudov (posvyashchaetsya yubileyu professora N.N. Boldyreva). Tambov, 2005. S. 132-140.
10. *Markov V.M.* О семантическом способе словообразования. Izhevsk, 1981.

Поступила в редакцию 02.02.2016 г.

UDC 808.5

SPEECH CULTURE OF RUSSIAN LANGUAGE AND MODERN THEORY OF PARTS OF SPEECH STATE

Vladimir Georgievich RUDELEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor of Russian Language and Journalism Department, Honoured Worker of Higher School of Russian Federation, e-mail: ifg06@mail.ru

The part of speech system and speech culture of Russian language speaker is considered. Basing on the example of the “article” «**ааа...**» which is widely used both at the beginning of utterance and in its parts and parasitic speech content hidden swearing: «блин» «ё-моё», «ё-келе-мене» (like geez and etc.) the necessity of speech culture is proved – radical changes of the system itself. The direction of modern language situation, which is displaced from traditional-neutral and bookish to cluttering up Russian speech. It is established, that the complicated modern language situation is formed under the influence of many factors. Among them are such as part of speech theory. Parts of speech in fact control all language system, which is harmonic and consistent. They are a measure of order in every part of language including discourse culture. In this generalization not just the rule that a noun has the notion of thingness, but the system thoughts and notions about part of speech oppositions and main parts of speech revealing in part of speech “magnets” which dominate and subject all the main, non-standart and valuable in informational plan in this system.

Key words: speech culture; Russian language; part of speech.